

XX в., «когда сельскохозяйственные орудия были уже довольно усовершенствованы» (с. 3). Но в чем выражалось это усовершенствование и по сравнению с чем — в книге не раскрыто.

Автор исследует не только типичную сельскохозяйственную технику периода разложения феодализма, но по этнографическому материалу более позднего периода ретроспективно анализирует сельскохозяйственные орудия более ранних этапов феодализма с Эстонии. Л. Х. Феоктистова, к сожалению, не пытается объяснить, когда, в какой степени это допустимо и как она сама использует новый этнографический материал для ретроспективной реконструкции сельскохозяйственной техники более раннего периода. Это тем более досадно, что эстонской сельскохозяйственной технике второй половины XIX — начала XX в.— периоду, к которому хронологически прямо относится большая часть этнографического материала, в книге уделено меньше места (с. 140—170), чем сельскохозяйственным орудиям более раннего периода.

В целом книга Л. Х. Феоктистовой является крупным научным достижением и необходимой работой для каждого исследователя, который занимается этнографией и аграрной историей Прибалтики. Поэтому желательно работу издать и на эстонском языке, быть может, расширив описательный материал.

Х. П. Стродс

А. Д. Грач. Древние кочевники в центре Азии*. М.: Наука, 1980. 256 с.

Территория Тувинской Автономной Республики не является белым пятном на археологической и этнографической картах Советского Союза. Проведенные в конце 1920-х годов раскопки С. А. Теплоухова дали первый и достаточно богатый археологический материал, позволивший ориентироваться в последовательности археологических этапов на территории Тувы и составить предварительное представление о конкретном историческом содержании каждого из них. В дальнейшем разведки и раскопки С. Н. Астахова, С. И. Вайнштейна, А. Д. Грача, М. П. Грязнова, В. П. Дьяконовой, Л. А. Евтюховой, С. В. Киселева, Л. Р. Кызласова, М. Х. Маннай-оола и других исследователей дали возможность разработать археологическую периодизацию, начиная с эпохи палеолита и кончая поздним средневековьем (наиболее дробная периодизация принадлежит Л. Р. Кызласову), и сопоставив ее с результатами изучения письменных источников, восстановить основные исторические события на территории Тувы.

При исследовании этнографии тувинцев большое внимание уделялось этногенетическим аспектам, и поэтому итоги этнографических работ непосредственно смыкаются с результатами интерпретации позднесредневековых археологических памятников. Монографии С. И. Вайнштейна, В. П. Дьяконовой и Л. П. Потапова внесли весомый вклад не только в наше знание тувинской народной культуры, но и в наше понимание процесса формирования тувинского народа.

Однако даже на этом фоне достаточно хорошей изученности археологии и этнографии тувинцев новая монографическая работа А. Д. Грача читается с исключительным интересом. Это объясняется рядом обстоятельств. А. Д. Грач на протяжении многих лет вел раскопки на территории Тувы, открыв и исследовав памятники разных эпох. Его раскопки дали разнообразный археологический материал, неоднократно привлекавший к себе всеобщее внимание на всесоюзных археологических и этнографических сессиях, однако долгие годы он был известен специалистам лишь по предварительным сообщениям. Основные раскопки проводились А. Д. Грачом в труднодоступных западных районах Тувы, отличавшихся культурным своеобразием. Наконец, интерпретация результатов археологических раскопок всегда проводилась им с широким привлечением этнографических аналогий как из Тувы, так и из Центральноазиатского района в целом, что придает его работам значительный этногенетический интерес.

Значение новой книги А. Д. Грача прежде всего в том, что она представляет собою очень подробную публикацию собранных им археологических материалов скифского времени в западной Туве. Книга не перегружена описаниями. Автор дает только краткую характеристику основных типов вещей, сами же вещи представлены в фотографиях и отличных рисунках на многочисленных таблицах, составляющих половину объема издания. К сожалению, качество фотографий в ряде случаев оставляет желать лучшего, но это вина не автора, а издательства. Приведены планы раскопанных курганов, тщательные зарисовки каменных насыпок и деревянных погребальных сооружений в курганах, стратиграфические профили. В специальные таблицы сведены результаты измерений курганов в полевых условиях. Хорошим дополнением к таблицам с изображением вещей является четкая опись всех раскопанных комплексов, что дает возможность увязать особенности погребения с обнаруженным в нем инвентарем. (Эта операция, составляющая со времен О. Монтелиуса основу археологического анализа, далеко не всегда, к сожалению, осуществима из-за суммарного описания во многих археоло-

* Во время подготовки рецензии к печати Александр Данилович Грач скончался в полном расцвете своей творческой деятельности. Это был крупный историк и археолог, неутомимый и увлеченный исследователь Древней Сибири, перу которого принадлежит много работ.

гических работах археологического инвентаря и недостаточно документированной привязки его к тем или иным погребальным комплексам). Наконец, и ландшафт, на котором расположены исследованные курганные группы, иллюстрируются в рецензируемой работе выразительными фотографиями.

Все сказанное очень выгодно отличает рецензируемую книгу, так как в ряде случаев авторы общих работ о древностях того или иного района минуют описательную часть или не уделяют ей достаточного внимания, сразу переходя к историческим обобщениям, так сказать, начинают рисовать широкое историческое полотно, не загромождая перед этим как следует холст. На это справедливо обращал внимание А. А. Формозов подчеркивая исключительное значение источниковедческой базы исследования. А. Д. Грач представил добытые им археологические факты в исчерпывающе полном виде и этим дал возможность использовать и обрабатывать их под самыми разнообразными углами зрения.

Только после этого он переходит непосредственно к историческим реконструкциям, выделяя для них кардинальные явления в скифском обществе — динамику культуры во времени, характеристику хозяйственной деятельности и социальных отношений в той мере, в какой они поддаются реконструкции на основании археологических материалов, интерпретации идеологической надстройки, отражающейся как в ритуале и верованиях, так и в бытовом и наскальном искусстве. Разделам, в которых раскрываются все эти проблемы, предпосланы две главы (II и III), играющие роль вводных и посвященные истории археологических исследований на территории Тувы, а также методике полевых археологических работ, использованной самим автором и возглавляемыми им экспедициями. В главе II дан достаточно полный общий обзор исследований скифо-сибирских древностей. Жаль только, что в нем не упомянуты работы и наблюдения отдельных западноевропейских специалистов (скажем, Ж. Дюмезиля и К. Йеттмара). В главе III, посвященной методике археологического поиска и раскопок, описаны впервые примененные автором на территории Южной Сибири способы аэрофотосъемки, которые дали превосходные результаты при обнаружении новых групп памятников в условиях степного и горного ландшафтов.

Не касаясь в краткой рецензии большой и сложной проблемы периодизации скифской эпохи на территории Тувы, проблемы, которая дебатруется уже много лет и по которой высказаны различные точки зрения, отмечу существенный вклад в изучение этого кардинального вопроса, сделанный А. Д. Грачем, показавшем на новом, свежем материале принципиальное отличие памятников V—III вв. до н. э. от памятников VII—V вв. до н. э. Собственно говоря, если следовать точно мысли автора, то нужно было бы в последнем случае написать VIII—V вв., так как ему, как и М. П. Грязнову², кажется вероятной возможность углубления ранней даты на столетие по сравнению с традиционными датировками. Следует, однако, помнить, что традиционные даты подкреплены солидными сравнительными изысканиями, часть из них опирается на письменные источники, и поэтому подавляющее большинство специалистов продолжает придерживаться даты VII в. до н. э. для начала скифской эпохи. Но момент этот, строго говоря, непринципиальный, и гораздо важнее то обстоятельство, что продемонстрирована достаточно исчерпывающая сумма различий в материальной культуре двух этапов, что закономерно привело автора к мысли о существовании двух культур, получивших наименование по наиболее типичным местонахождениям памятников, — алды-бельской и саглынской.

Опираясь на всю совокупность археологических наблюдений и рассматривая их в связи с этнографическими наблюдениями, автор убедительно истолковывает тип хозяйства древних жителей Тувы как комплексный скотоводческо-охотничий, но с решающей ролью кочевого скотоводства. Весьма отраднo, что А. Д. Грач в отличие от многих других археологов, исследующих древности кочевников, уделит много внимания реконструкции сезонного цикла кочевания и вообще элементам оседлости в кочевом быте. Интересными в этой связи представляются страницы, посвященные добычанию и использованию дерева для строительства постоянных зимников и сооружений погребальных камер, являющихся, по-видимому, прототипами зимников. Дальнейшие исследования должны внести в наши представления в этой области большую конкретизацию. До сих пор нет данных о составе стада, и о породах разводимых домашних животных, утверждение же о разведении жирнохвостых овец приведено со ссылкой на И. Т. Кызыл-оола³, опиравшегося на исследование современного состава стада овец, и не является достаточным: в Центральной Азии разводили не только жирнокороткохвостых (это следует подчеркнуть: Южная Сибирь и Монголия были ареалом овец именно этого типа)⁴, но и курдючных овец.

Реконструируя систему социальных отношений, А. Д. Грач ограничивается характеристикой наиболее кардинальных и общих особенностей социального строя, оправданно полагая, что многозначность истолкования археологического материала в этой

¹ Формозов А. А. О критике источников в археологии. — Сов. археология, 1977, № 1.

² Грязнов А. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980.

³ Кызыл-оол И. Т. Овцеводство Тувинской АССР (историко-зоотехнический очерк). Кызыл, 1975.

⁴ См., например, Иванов М. Ф. Овцеводство. — В кн.: Академик М. Ф. Иванов. Поли. собр. соч. М.: Колос, 1964.

области растет прямо пропорционально детальности реконструкции. Опираясь на размеры и структуру погребальных сооружений, он выделяет высший слой общества — царей, князей, вождей (их можно называть как угодно), затем дружинную аристократию и зависимый слой населения — рядовых общинников, среди которых, возможно, какую-то прослойку занимали домашние рабы. Семейные отношения восстанавливаются предположительно в рамках гипотезы о так называемой неразделенной семье. Подчеркивается достаточно высокое положение женщины, что вообще характерно для кочевнического быта за пределами распространения ислама. Заслуживает внимания удачное, как мне кажется, объяснение ограбления погребений не действиями грабителей (ограбление по времени часто почти совпадало с сооружением кургана), а переходом территорий, на которых расположены могильники, в руки других, враждебных групп.

При анализе идеологических представлений общества ранних кочевников Тувы также сделано много интересных и новаторских наблюдений. К их числу относятся истолкование огромного кургана Улуг-Хорума как храма солнца, интерпретация орнамента на инвентарных поделках, семантическая расшифровка женских украшений, установление «сопричастности» мертвых и живых людей (поза спящих в курганных захоронениях), аргументация общенародного характера прикладного искусства при несомненном выделении прослойки профессионалов-художников, наконец, трактовка многих аспектов семантики наскальных изображений. Во всех этих случаях автор широко привлек разнообразные этнографические и общекультурные аналогии.

Резюмируя, должен сказать, что перед нами фундаментальное многоплановое исследование, далеко выходящее за рамки положенного в его основу археологического материала и представляющее собой прекрасный пример историко-этнологической работы широкого профиля. Его историко-теоретическое значение определяется дальнейшей разработкой методики интерпретации археологических памятников как источников информации о социальной жизни общества, глубоким анализом социальной специфики общества ранних кочевников, демонстрацией местных корней звериного стиля в искусстве, показом мощных пластов в народной культуре и фольклоре тувинцев, восходящих к скифской эпохе.

Сделанные выше критические замечания носят характер скорее мелких придирок, а не принципиальных возражений. Несомненно, к книге А. Д. Грача как к источнику фактических сведений и стимулирующих идей еще много лет будут обращаться все специалисты, так или иначе соприкасающиеся с изучением древнего прошлого народов и культур Южной Сибири и Центральной Азии.

7 марта 1981 г., когда была закончена эта рецензия, Александр Данилович Грач скончался, но я не считал возможным что-либо менять в тексте, написанном при его жизни.

*В. П. Алексеев*¹